

ИЗЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Человѣческая жизнь переполнена контрастами; мы такъ къ нимъ привыкли, что очень часто равнодушно проходимъ мимо, ни мало ни задумываясь надъ ихъ иногда глубокимъ и назидательнымъ смысломъ. А всмотрѣться поглубже и поразмыслить подѣ-часъ было-бы не лишнимъ, ибо великое множество печальныхъ недоразумѣній и роковыхъ послѣдствій происходитъ отъ того, что и дѣятели и наблюдатели житейскихъ событій не считаютъ нужнымъ раздумывать долго надъ тѣмъ, что совершаютъ или что совершается у нихъ на глазахъ.

Быль вечеръ субботы 8-го февраля. Звонъ колоколовъ призывалъ населеніе Сергіевскаго посада на всенощное бдѣніе, но къ посѣщенію Божьяго храма не было что-то замѣтно въ народѣ особеннаго усердія. На тихихъ въ обычное время улицахъ города повсюду замѣчались признаки какого-то особеннаго, возбужденнаго, праздничнаго настроенія. Сильнѣе блистали огни въ бойко-работавшихъ трактирахъ; чаще обыкновеннаго попадались веселыя, подгулявшія фигуры; груды и ящики вновь-доставленныхъ, по преимуществу съѣстныхъ товаровъ виднѣлись въ магазинахъ и лавкахъ; на стѣнахъ и столбахъ даже скромнаго посада бросались въ глаза расклеенныя объявленія о предстоящихъ увеселеніяхъ; извощики уже начинали мечтать о будущей богатой выручкѣ, когда имъ придется въ праздничныхъ разукрашенныхъ экипажахъ и кафтанахъ, съ лентами и гирляндами цвѣтовъ въ хвостахъ и гривахъ лошадей, съ гикомъ и свистомъ ухарски носить по ухабамъ катающуюся публику. Чуялось, однимъ словомъ, приближеніе широкой

масляницы, — того часто необузданнаго разгула, который, по стародавнему нашему несчастному обычаю, составляетъ столь недостойное преддверіе къ великимъ днямъ покаянія и поста.

Въ это самое время, когда мірская суета со всѣми ея соблазнами готовилась шумно праздновать свой обычный карнавалъ, въ академической церкви совершалось не многимъ вѣдомое, не громкое и не бьющее въ глаза, но глубокое по своему смыслу, торжество побѣды надъ міромъ. При грустно-торжественныхъ звукахъ тропаря: „объятія отча отверзти ми потщися“, исполнявшагося студенческимъ хоромъ, изъ притвора храма медленно, съ троскратнымъ колѣнопреклоненіемъ, подвигался къ алтарю молодой человекъ, въ одной сорочкѣ и съ босыми ногами, окруженный толпою монаховъ, прикрывавшихъ его своими распростертыми мантиями. Шель онъ къ алтарю для того, чтобы торжественно, предъ престоломъ Божиимъ и вслухъ всѣхъ, отречься отъ шума и суеты грѣшнаго міра, посвятивъ себя всецѣло на служеніе Богу въ чинѣ монашескомъ. Какъ блудный сынъ, возвращавшійся „во объятія отча“, взывалъ онъ словами церковной пѣсни: „блудно мое иждихъ житіе“, „согрѣшихъ, отче, на небо и предъ тобою“... Совершавшій обрядъ постриженія, ректоръ академіи архимандритъ Антоній, изшедъ изъ царскихъ вратъ на встрѣчу пришедшему и ставъ у аналоя съ положенными на немъ св. крестомъ и евангеліемъ, обратился къ нему, по чиноположенію, съ словами ободренія, напоминая священное изреченіе Спасителя; „приидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи грѣхами, и азъ упокою вы“. На установленные вопросы о ректора, начинающіеся словами: „что пришелъ еси брате?“ .., постригаемый повѣдалъ всѣмъ, что пришелъ онъ, „желая житія постническаго“, „приступаетъ ко Господу вольною своею мыслию“, „не отъ нѣкія нужды, или насилія.“ — Академическій храмъ на этотъ разъ, какъ и всегда, былъ наполненъ студентами. При взглядѣ на ихъ бодрюю юность невольно думалось о тѣхъ мечтахъ и надеждахъ, какими бьются ихъ сердца. Немногіе годы, а иногда даже только мѣсяцы, отдѣляли ихъ отъ того порога, переступивъ который они должны будутъ вступить въ жизнь самостоятельными членами общества, полными силъ и готовности на

подвиги жизненной борьбы. Мечтали они, конечно, о своей будущей дѣятельности, о тѣхъ трудахъ, которымъ хотѣли посвятить свои силы на пользу возрастившихъ и воспитавшихъ ихъ церкви и отечества. Мечтали о тѣхъ радостяхъ, какія сулить имъ жизнь не въ дѣятельности только, но и въ пользованіи ея доступными имъ благами. Мечтали и о мирномъ счастіи скромнаго семейнаго уголка, гдѣ можно будетъ отдохнуть и успокоиться отъ волненій и бурь трудовъ общественныхъ. И мало-ли о чемъ еще мечтаетъ жизнерадостное сердце юноши наканунѣ вступленія на широкой жизненный путь!—А вотъ у нихъ на глазахъ, предъ святымъ алтаремъ, стоитъ ихъ юный сотоварищъ и на предлагаемые ему вопросы громко и твердо заявляетъ о своей готовности „пребывать въ монашествѣ и въ постничествѣ даже до послѣдняго своего издыханія“, „хранить себя въ дѣвствѣ и цѣломудріи“, „быть послушнымъ“ своимъ пастырямъ „даже до смерти“, „терпѣть всякую скорбь и тѣсноту монашескаго житія“. Смертный приговоръ произносить онъ надъ естественными въ юности мечтами и желаніями, говоритъ лишь о высокихъ подвигахъ самоуничженія, молитвы и поста, отрекается отъ всего житейскаго, даже отъ родныхъ и друзей;—всецѣло приноситъ себя Богу, какъ „жертву живу благоугодну“.—Знаменательно, по чиноположенію, предупреждаетъ о. ректоръ юношу о высокой важности предпринимаемаго имъ роковаго, безповоротнаго шага. „Се Христосъ невидимо здѣ предстоитъ“, говоритъ онъ ему, „виждь яко никтоже тя принуждаетъ прійти къ сему образу“; три раза велитъ онъ ему подать себѣ ножницы и дважды возвращаетъ ихъ назадъ, какъ-бы приглашавшая его еще и еще разъ подумать о томъ, на что онъ рѣшается; но рѣшеніе юноши оказывается непреклоннымъ и онъ, принявшій постриженіе и облаченный въ иноческія одѣянія, становится монахомъ. Кто-же этотъ новый монахъ и какія душевныя состоянія, какія цѣли и стремленія прикрыла теперь его монашеская мантия?

Сынъ крестьянина села Глухія Поляны, Тульской губерніи и уѣзда, Кононъ Васильевичъ Рахмановъ получилъ образованіе въ Тульской классической гимназіи, по окончаніи курса которой съ аттестатомъ зрѣлости въ 1887 году поступилъ въ число студентовъ Московской духовной акаде-

ми. Въ настоящее время, имѣя 24 года отъ роду, онъ состоитъ уже на послѣднемъ академическомъ курсѣ и въ текущемъ учебномъ году оканчиваетъ свое высшее образованіе. Отличаясь съ дѣтства любовію къ монашеству и церковной службѣ, онъ и въ академіи подружился со студентами подобнаго-же направленія, изъ коихъ нѣкоторые уже раньше его постриглись въ монашество. Духовное родство между ними ознаменовано нареченіемъ имъ именъ трехъ вселенскихъ учителей ¹⁾ и юноша Рахмановъ названъ въ память святителя Іоанна Златоустаго, тогда какъ прежде постригшіеся его сотоварищи носятъ имена въ память Святителей Василия Великаго и Григорія Богослова. — Силами религіознаго возбужденія, жажда-ли высокихъ подвиговъ личнаго усовершенствованія, или стремленіе къ многоплодному служенію церкви на поприщѣ учительства и пастырства, или, наконецъ, какія-либо особыя обстоятельства его личной душевной жизни привели юношу къ монашеству, — то знаетъ, кромѣ Сердцевѣдца-Бога, только самъ онъ да его духовные руководители.

Благословляя юнаго монаха на предлежащій ему трудный подвигъ, о. ректоръ академіи обратился къ нему, по окончаніи всенощнаго бдѣнія, съ словомъ назиданія. „Возлюбленный братъ, новоначальный инокъ!“ говорилъ онъ ему. „Въ сей блаженный часъ своего посвященія Господу потщися окинуть мысленнымъ взоромъ предстоящій тебѣ путь духовной жизни и воспользуйся нынѣшнимъ духовнымъ просвѣтленіемъ, дабы заранѣе запастись мужествомъ, покорностью и упованіемъ на Господа въ трудные дни предстоящаго подвига“.

„Не много времени покоя и невозмущаемой молитвы дано тебѣ будетъ, любезный братъ. Не успѣешь ты насладиться вкушеніемъ блаженнаго общенія съ Богомъ чрезъ молитву, уединенное чтеніе слова Его и мирный трудъ ученическаго послушанія; не успѣешь излить предъ Нимъ своей благодарственно-хвалебной пѣсни за то, что Онъ изъялъ теби изъ міра грѣха и скорби; не успѣешь опознать и исторгнуть плевелы укоренившихся отъ юности грѣховныхъ по-

¹⁾ Церковныя Вѣдомости, издав. при Св. Синодѣ. № 8. стр. 298.—Тамъ же и рѣчь о. ректора къ новопостриженному иноку Іоанну.

мышлений; какъ на твои, еще слабыя, непривычныя плечи возложить тяжкое бремя учительства и пастырства надъ другими. Поручать твоему наставническому руководству цѣлое юное общество и притомъ не простыхъ словесныхъ овецъ, но такихъ, коимъ въ свою очередь суждено быть пастырями церкви, коимъ слѣдовательно нужно раскрыть самое существо духовной жизни христіанской. Конечно, не малое облегченіе дано тебѣ будетъ отъ Господа для такого служенія въ юные годы твоей жизни. Если возьмешься за него съ безкорыстной любовію, то, по увѣренію блаженнаго Августина, съ малымъ запасомъ твоихъ духовныхъ силъ будетъ то-же, что было съ пятью хлѣбами, которые при раздачѣ алчущимъ по благословенію Господню умножились настолько, что насытивъ пять тысячъ человѣкъ, наполнили собою еще двѣнадцать кошницъ. Но все-же и при такомъ умноженіи дарованій, какъ тяжка тебѣ покажется неизбежная неувѣренность въ цѣлесообразности всѣхъ словъ и поступковъ при мысли о томъ, что ошибка руководителя пастырей пагубно отразится на многихъ и на долго! Какъ скорбно колебаніе между снисхожденіемъ и строгостью! Какъ мучительно сознаніе своей духовной скудости для вразумленія одного, для ободренія другаго, для пристыжденія третьяго! При неудачахъ—уныніе и страданіе, переходящее въ отчаяніе; при духовныхъ успѣхахъ тщеславіе и гордыня. Не говорю о постоянной скорби наставника о грѣхахъ или равнодушіи питомцевъ, объ уязвленіи его сердца неблагодарностію однихъ, недовѣріемъ другихъ, вѣроломствомъ друзей, недружелюбіемъ или неразуміемъ сотоварищей. И пока ты будешь искать себѣ облегченія въ области естественной, то не найдешь правильнаго исхода, ибо добро и зло такъ тѣсно сплелись между собою и въ общественной, и въ личной внутренней жизни нашей, что, при всемъ стараніи все творить къ созиданію, не избѣгнешь грѣха и соблазна. Нужно искать пути чрезъ благодатную помощь; но какъ получить ее среди суеты и волненій? Когда истомленная душевными муками и цѣлдневными трудами и заботами изнемогающая плоть съ приближеніемъ полуночи будетъ требовать сна и покоя, легко-ли тебѣ будетъ исполнять свою иноческую обязанность молитвы, испытанія помысловъ или духовнаго чтенія? Тогда-то, братъ мой, вспомни

свои обѣты, вспомни притчу о рабѣ, возвратившемся съ полевыхъ работъ, котораго господинъ не отпустилъ на отдыхъ, но сказалъ: „*препоясися служи Ми*“ (Лук. XVII, 8).

Вспомни это и не пренебреги иноческимъ правиломъ, но собери остатокъ силъ на славословіе Бога и въ своемъ духовномъ и тѣлесномъ изнеможеніи познай, что не своими силами и достоинствами оправдываемся мы предъ Богомъ, но тѣмъ, что Онъ самъ даетъ намъ по своей благодати. Когда опытомъ жизни дознаешь ты это, то сразу получишь облегченіе душевной туги, ибо смиреннымъ подается благодать (1 Петр. V, 5), такъ что, вручая себя Господу, уже не одинъ ты будешь дѣйствовать, но въ сопровожденіи Его благодатнаго благословенія, въ привлеченіи и охраненіи котораго ты и будешь тогда полагать свое стараніе и въ этомъ именно видѣть условіе успѣшнаго руководства духовною жизнію другихъ. Сознывая трудность монашества, соединеннаго съ общественною дѣятельностью, ты тогда увидишь, какое благо для общества заключается въ томъ, чтобы дѣятель общественный былъ монахомъ,—чтобы онъ несмотря на множество заботъ и трудовъ, своимъ нарочитымъ долгомъ почиталъ очищеніе сердца чрезъ молитву и обличеніе помысловъ и понуждался-бы къ тому и другому памятью данныхъ обѣтовъ для привлеченія благодати Божіей, „*всегда немощная врачующей*“. Но для того чтобы память эта сохраняла животворную силу, не порывай никогда связи съ лучшими представителями иноческой жизни. Борясь съ мірскимъ грѣхомъ въ себѣ самомъ и въ ученикахъ твоихъ, всегда помни, что тамъ, вдали отъ шума и славы міра, въ далекихъ лѣсахъ и пещерахъ, на горахъ и островахъ, за бѣлыми стѣнами живутъ люди жизнію иною. Нѣтъ тамъ того смѣшенія злобы, лжи, коварной лести и безумнаго потока страстей, въ которомъ утопаетъ міръ. Все это умираетъ предъ тѣми стѣнами: нѣтъ тамъ продолженія для этихъ свойствъ жизни мірской. „*Тамъ беззаконные перестаютъ наводить страхъ и тамъ отдыхаютъ истощившіеся въ силахъ. Тамъ узники вмѣстѣ наслаждаются покоемъ и не слышатъ крика приставниковъ. Малый и великій тамъ равны и рабъ свободенъ отъ господина своего*“. (Іов. III, 17—19). Люди тамъ живутъ какъ безтѣлесные, въ молитвахъ и трудѣ забывая о снѣ и пищѣ.

Начальники тамъ преимуществуютъ предъ другими въ подвигахъ и лишеніяхъ, и глубокое познаніе тайнъ Божіихъ соединяется съ дѣтскою простою душою. Туда спѣши любезный братъ въ дни служебнаго досуга и тамъ почитай свою земную родину“.

„Быть можетъ, впрочемъ, долъ послушанія не попуститъ тебѣ по долгу жить тамъ. Но принаровивъ свой духъ къ пустынной обители, какимъ твердымъ, пеустрашимымъ борцомъ церкви будешь ты являться на поприщѣ наставника и руководителя духовнаго! Мысли себя лишь гостемъ міра, будешь-ли ты подавляться кажуцимъ торжествомъ зла? Будешь-ли ослабѣвать въ молитвѣ? Рѣшишься-ли пренебрегать освящающею силой св. Таинствъ? Усумнишься-ли въ мудрости божественнаго Промысла? Презришь-ли попеченія хотя объ одномъ изъ порученныхъ тебѣ, объ одномъ изъ тѣхъ, *„за кого Христосъ умеръ? (Римл. 14—15). Нѣтъ, уже „не на мудрости человѣческой, а на силѣ Божіей“* будетъ тогда утверждаться твоя вѣра (1 Кор. II, 5), и усматривая во всѣхъ обстоятельствахъ своей и общей жизни руководящій перстъ Божій, ты научишься за все благодарить Всевышняго, *„разумѣти же преспѣвающую разумъ любовь Христову“* (Ефес. III, 18), усматривая ея слѣды и въ чести, и въ безчестіи, и въ обидахъ, и въ похвалахъ, и въ скорби, и въ радости. Тогда міръ Божій водворится въ сердцѣ твоёмъ (Кол. III, 15) и ты будешь повторять слова Апостола: *„не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человѣка, что приготовилъ Богъ любящимъ Его. А намъ Богъ открылъ это Духомъ Своимъ“* (1 Кор. II, 9, 10). Аминь.

Послѣ рѣчи, всѣ лица академической и лаврской братіи, принимавшія участіе въ совершеніи обряда постриженія, имѣя во главѣ своей о. ректора арх. Антонія, инспектора арх. Петра и настоятеля единовѣрческаго Спасо-Преображенскаго монастыря архим. Тихона, въ мантияхъ, отправились въ квартиру о. ректора, который здѣсь вручилъ новопостриженному въ благословеніе икону Преподобнаго Сергія Радонежскаго, отъ лица всего академическаго духовенства.— На слѣдующій день, въ воскресенье 9-го фѣвраля, инокъ Іоаннъ, причастившись св. Таинъ въ академической церкви, удалился въ лаврскій Геосиманскій скитъ, чтобы провести

тамъ нѣкоторое время въ уединенныхъ подвигахъ поста и молитвы. Да подкрѣпитъ его Господь на избранномъ имъ высокоомъ и многотрудномъ пути!

Въ текущемъ учебномъ году лица и учрежденія, близко принимающія къ сердцу интересы Православной Церкви и духовнаго просвѣщенія, съ отраднымъ чувствомъ были свидѣтелями юбилейнаго торжества двухъ выдающихся и заслуженнѣйшихъ Россійскихъ іерарховъ: Высокопреосвященнѣйшаго Никандра, Архіепископа Тульскаго и Бѣлевскаго, и Высокопреосвященнѣйшаго Саввы, Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, праздновавшихъ пятидесятилѣтіе своего священнаго служенія. Московская академія сочла для себя пріятнымъ долгомъ воспользоваться юбилейными днями, чтобы выразить архипастырямъ чувства своего глубокаго уваженія къ ихъ долготѣтней и многоплодной святительской дѣятельности. Высокопр. Никандра академія избрала своимъ почетнымъ членомъ, въ отвѣтъ на каковое избраніе академическій совѣтъ въ своемъ январскомъ засѣданіи имѣлъ удовольствіе выслушать слѣдующее письмо Его Высокопреосвященства. „Дипломъ на званіе почетнаго члена Московской Духовной Академіи мною полученъ. Приношу Совѣту Академіи мою искреннюю и глубочайшую благодарность за честь, которою ему благоугодно было почтить мое пятидесятилѣтнее посильное служеніе церкви. — Желая выразить это чувство благодарности самымъ дѣломъ и принимая близко къ сердцу интересы учащагося въ академіи юношества, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи принять прилагаемая при семъ двѣ тысячи рублей кредитными билетами и, обративъ сіи деньги въ основной капиталъ существующаго при Академіи братства Преподобнаго Сергія, ежегодные проценты съ сего капитала употреблять для вспоможенія нуждающимся студентамъ Московской Академіи“.

Высокопр. Савва, воспитанникъ Московской академіи и около двухъ лѣтъ (въ 1861 и 1862 гг.) стоявшій во главѣ ея въ должности ректора, уже съ 1883-го года состоитъ ея почетнымъ членомъ. Ко дню юбилейнаго праздника Его Высокопреосвященства родная ему академія принесла ему свое почтительное привѣтствіе въ формѣ особаго адреса. Благодарственно обозрѣвая заслуги Архипастыря на пользу церкви и просвѣщенія, академія въ этомъ

адресъ съ признательностію воспоминала и все то, что было имъ сдѣлано на ея благо. На это привѣтствіе академическій совѣтъ въ февральскомъ своемъ засѣданіи удостоился получить отъ Его Высокопреосвященства слѣдующій отвѣтъ, присланный на имя о. ректора: „Приношу Вамъ и въ лицѣ Вашемъ всѣмъ достоуважаемымъ сотрудникамъ Вашимъ на поприщѣ высокаго служенія духовной наукѣ, почтившимъ меня, въ день исполнившагося полувѣковаго служенія моего въ священномъ санѣ, благожелательнымъ привѣтствіемъ, глубокую, искреннѣйшую благодарность.—Желая ознаменовать чѣмъ-либо для сугубо родной мнѣ академіи этотъ великій для меня юбилейный день, препровождаю при семъ пять сотъ (500) рублей для присоединенія къ суммѣ, назначенной для вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ академіи“.

Благосклонное вниманіе уважаемыхъ Архипастырей къ нуждамъ учащагося академическаго юношества оказало такимъ образомъ Братству Преподобнаго Сергія весьма существенную помощь. Да воздастъ имъ Господь за святое дѣло и да послужитъ оно добрымъ примѣромъ для другихъ!

Въ сентябрѣ текущаго года православная Русь готовится, какъ извѣстно, быть свидѣтельницею великаго церковнаго торжества: Троицкая Сергіева Лавра будетъ праздновать пятисотлѣтіе со дня блаженной кончины своего Святаго Основателя и Покровителя, Преподобнаго Сергія. Московская духовная академія, издавна приотившаяся въ священныхъ стѣнахъ Сергіевой обители, такъ тѣсно срослась съ нею, что не можетъ, конечно, быть лишь безмолвной и безучастной свидѣтельницей предполагаемаго праздника. Кромѣ посильнаго, непосредственнаго участія въ самыхъ торжествахъ, она желала-бы заранѣе приложить свой научный трудъ къ какому-либо дѣлу, которое могло-бы достойнымъ образомъ ознаменовать великій праздникъ Всероссійскаго Святителя. По мысли и желанію Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Леонтія, академіи предоставлено было взять на себя исполненіе какихъ-либо религіозно-нравственныхъ изданій, которыя были-бы приготовлены и обнародованы ко времени торжества и должнымъ образомъ соответствовали его характеру и содержанію. Для осуществленія мысли Высокопреосвящ. Владыки, по предложенію

о. ректора академіи архим. Антонія, и ординарнаго профессора по кафедрѣ Русской церковной исторіи Е. Е. Голубинскаго, Совѣтъ академіи предположилъ составить и издать подробное жизнеописаніе Преп. Сергія, въ размѣрѣ отъ 12 до 15 листовъ, съ приложенными къ нему видами, рисунками и планами. На ряду съ этимъ крупнымъ изданіемъ, имѣющимъ въ виду образованныхъ читателей, предположено еще составить небольшую книжку, листа въ 2 или 3, подъ заглавіемъ: „Преподобный Сергій Радопежскій; его ученики и собесѣдники“, которая предназначалась-бы для народа. Наконецъ, признано нужнымъ сдѣлать выборъ изъ переведенныхъ уже твореній Св. Отцевъ и нѣкоторыя особо-назидательныя произведенія или части ихъ издать отдѣльными брошюрами и листками для народнаго распространенія. Утвердившись на такихъ предположеніяхъ, академія, не имѣя въ своемъ распоряженіи матеріальныхъ средствъ для ихъ осуществленія, обратилась чрезъ о. ректора съ ходатайствомъ къ Его Высокопреосвященству, который, одобревъ предположенія Совѣта, милостиво распорядился отпустить для означенной цѣли въ вѣдѣніе академическаго совѣта *три тысячи рублей* изъ суммъ Московской казенды. Послѣ такого рѣшенія Владыки, совѣтъ просилъ профессора Е. Е. Голубинскаго взять на себя составленіе предположенныхъ жизнеописаній Преподобнаго Сергія, исходатайствовавъ ему разрѣшеніе свободно заниматься въ ризницѣ Лавры, а также въ ея библиотекѣ и архивѣ. Для изданія-же отдѣльныхъ брошюръ изъ твореній отеческихъ Совѣтъ избралъ комиссію, въ составъ которой вошли и. д. орд. пр. П. И. Казанскій, экстр. пр. В. О. Кипарисовъ и доцентъ А. В. Мартыновъ. Что касается участія академіи въ сентябрьскихъ торжествахъ, то есть предположеніе устроить въ одинъ изъ ближайшихъ къ празднику дней публичное ученое собраніе съ произнесеніемъ приличествующихъ случаю рѣчей. Главными ораторами этого собранія явятся профессора: Е. Е. Голубинскій и В. О. Ключевскій, какъ представители академическихъ кафедръ церковной и гражданской Русской исторіи.

В. Соколовъ.
